

Линь Синь-нян и Ло Цинчжу одновременно замерли. Даже Цуй Ланьфан застыла на месте и только спустя некоторое время, покраснев до ушей, шлёпнула Лю Гуюя по руке и тут же схватила его за запястье.

— Ах ты, гэр! Как ты вообще можешь такое вслух говорить!

Но сам Лю Гуюй не видел в этом ничего постыдного. С совершенно серьёзным видом он посмотрел на Ло Цинчжу и спросил:

— Значит, твой муж у лекаря не проверялся?

Ло Цинчжу растерянно покачал головой.

Лю Гуюй щёлкнул пальцами и развёл руками с видом «ну вот, я так и думал».

Линь Синь-нян же нахмурилась и с сомнением спросила:

— Да ну? Это... мужчины тоже должны у лекаря проверяться? Лю-гэр, ты же ещё такой молодой, откуда тебе знать такие вещи?

В глазах Линь Синь-нян и Цуй Ланьфан Лю Гуюй всё ещё оставался юным: хоть и был уже замужем, но в деревне все знали, что с Цинь-даланом у них так и не сложилось настоящей супружеской жизни - они даже толком не виделись. Откуда же ему знать про детей?

Лю Гуюй немного подумал и тут же придумал отличный выход. Совершенно не смущаясь, он уверенно заявил:

— Я в книгах читал.

Он чуть вскинул подбородок в сторону Линь Синь-нян и добавил:

— Тётушка, вы же знаете, мой отец был сюцаем. У нас дома чего-чего, а книг было полно! На любую тему. Вот я и прочитал.

После такого объяснения Линь Синь-нян поверила почти полностью. В деревне люди всю жизнь копались в земле и редко умели читать - к учёным людям вроде сюцаев они испытывали почти священное уважение.

А вот стоявший рядом Цинь Жунши, услышав всё это, невольно усмехнулся. Его взгляд скользнул по лицу Лю Гуюя: тот говорил совершенно невозмутимо, ещё и серьёзно кивал, будто всё это чистая правда.

Ну конечно, «в книгах сокрыт золотой дом»*. И необычные блюда он «в книгах» увидел, и про мужское бесплодие тоже там прочитал. Поистине талант - таким бы самому на экзамены идти.

(ПП: Это древняя китайская поговорка, смысл которой в том, что усердная учёба и овладение знаниями - это самый надёжный путь к богатству, славе и высокому социальному положению)

Лю Гуюй заметил, что Цинь Жунши тайком улыбается, и тут же распахнул глаза. Вот чёрт... совсем забыл про этого мальчишку!

Перед разговором он выгнал из комнаты Банбань и Ло Майэр, а вот про Цинь Жунши совсем забыл.

Их взгляды встретились, Цинь Жунши едва заметно сдержал улыбку и спокойно добавил:

— На самом деле всё просто. Достаточно сходить в городскую клинику и спросить врача.

Он сказал это легко, но Линь Синь-нян и Ло Цинчжу только сильнее нахмурились. Мужчины очень дорожат своей гордостью, особенно в таких вещах. Не то что к лекарю идти, тут само упоминание подобного способно вызвать скандал.

Однако Ло Цинчжу всё же взял себя в руки и, незаметно сжав кулаки, тихо сказал:

— Да Шань скоро должен вернуться. Когда он придёт, я обязательно уговорю его сходить со мной в клинику.

Линь Синь-нян кивнула, но лицо её тут же стало жёстким. Она ткнула сына пальцем в лоб и сердито отрезала:

— Ты что, совсем дурачок?! Посмотри на своё лицо! Тебя избили до такого состояния, и ты ещё собираешься просто так вернуться?! Не выйдет! Семья Ци решила, что раз у нас в доме нет мужчины, можно так над тобой издеваться? Это им просто так не сойдёт с рук!

Ло Цинчжу хотел было что-то сказать, но только раскрыл рот, как снаружи раздался голос:

— Цинчжу!

Это был Ци Шань.

Глаза Ло Цинчжу вспыхнули радостью, он сразу вскочил, но тут же вспомнил всё, что произошло сегодня, прикусил губу и снова сел.

Линь Синь-нян, услышав голос зятя, мгновенно вскипела. Засучив рукава, она зло усмехнулась:

— Ха! Я ещё сама к ним не пошла, а он уже посмел сюда явиться!

Хотя, если бы Ци Шань не пришёл сам, она бы, пожалуй, разозлилась ещё сильнее.

Но не успела Линь Синь-нян выйти, как снаружи уже раздался голос Ло Майэр. Девочка тоже переживала за брата и, уперев руки в бока, сердито кричала:

— Ваша семья обижает моего брата! Да ещё и бьёт его! Мой брат такой хороший человек, а вы смеете так с ним обращаться! Думаете, у нас заступиться некому?! Дахэй! Ахуан! Фас!

Не успела она договорить, как вслед за звонким голосом раздался и яростный собачий лай.

Линь Синь-нян и Ло Цинчжу вышли во двор и увидели худого, смуглого мужчину, которого две большие собаки не подпускали к воротам - он переминался с ноги на ногу, не решаясь сделать шаг вперёд. В руках у него было полно вещей: мясо, сладости и отрез ткани. Он только что получил плату за работу и купил всё это домой: мясо и сладкое - для семьи, а ткань - для своего супруга, Ло Цинчжу. Он ведь думал, что тот беременен, и заранее решил, что скоро старые вещи станут тесны, поэтому специально взял ткань на новую одежду. Но, едва переступив порог дома, он услышал, что произошло сегодня, и, даже не успев ничего отложить, бросился сюда.

Он шёл из деревни Сяхэ, и уже по дороге стемнело. Хорошо ещё, что сегодня луна висела над небом огромным серебряным диском, иначе по ночной дороге было бы совсем тяжело идти.

Увидев Ло Цинчжу, Ци Шань сразу заговорил, торопливо и с волнением:

— Цинчжу! Я... я уже всё слышал от матери! Она была права! Просто... просто слишком разволновалась...

Но не успел он договорить, как Линь Синь-нян, словно львица, защищающая детёныша, тут же рывкнула:

— Тьфу! Разволновалась, и поэтому можно людей бить?! Я сейчас тоже очень «разволновалась», так что стой смирно, дай-ка я тебе пару раз втащу!

Ци Шань на мгновение растерялся, а затем действительно застыл на месте. Он опустил голову и сказал:

— Это моя вина. Я не уберёг Цинчжу, заставил его страдать. Теща, хотите - бейте. Хоть две пощёчины, хоть пять, хоть десять, я не стану сопротивляться.

Линь Синь-нян всё ещё кипела от злости, и, услышав это, не стала церемониться - схватила прислонённую к стене палку и бросилась к нему. По лицу она не била, но несколько раз с силой огрела его по спине и плечам. Только когда Ло Цинчжу кинулся их разнимать, она остановилась.

Ло Цинчжу сдерживал слёзы и с трудом проговорил:

— Мама... Да Шань ведь не был дома... его нельзя винить.

Они с Ци Шанем прожили вместе много лет и действительно любили друг друга - ему было больно смотреть, как мужа бьют.

А Ци Шань и правда стоял неподвижно, не уклоняясь, позволяя Линь Синь-нян несколько раз ударить себя палкой, чтобы она хоть немного выплеснула злость. Только после этого он поспешно посмотрел на Ло Цинчжу. Увидев лицо супруга, его глаза тут же покраснели от боли и тихо произнёс:

— ...Цинчжу.

Он уже хотел дотронуться до его щеки, но Ло Майэр, пользуясь тем, что маленькая и юркая, тут же втиснулась между ними, резко оттолкнула Ци Шаня и, уперев руки в бока, сердито выкрикнула:

— Не трогай моего брата! У него лицо ещё опухшее, а ты уже руками лезешь!

Линь Синь-нян тоже оттащила сына за спину и, тяжело выдохнув, сурово посмотрела на Ци Шаня:

— Ци Шань, я знаю, что ты лично не виноват, но я - мать, и я не могу это просто проглотить! Мой Цинчжу не будет терпеть побои и делать вид, будто ничего не произошло, а потом спокойно возвращаться к вам! Уходи. Сегодня он с тобой не пойдёт.

Ци Шань раскрыл рот, снова посмотрел на Ло Цинчжу:

— ...Цинчжу.

Глаза у того были красные от слёз, а распухшая щека стала ещё ярче. Но даже с опухшим лицом он оставался красивым, даже казался ещё более беззащитным и жалким. Ему было жалко мужа, но и обида жгла сердце. Он приоткрыл рот, хотел что-то сказать, но так ничего и не произнёс.

Линь Синь-нян всё ещё смотрела зло и раздражённо:

— Да замолчи ты уже! «Цинчжу, Цинчжу, Цинчжу»... кроме этого имени, других слов не знаешь?!

Ци Шань снова задохнулся от неловкости, а потом наконец выдавил:

— Цинчжу, я знаю, что сегодня тебя сильно обидели. Но ты не переживай, я обязательно поговорю с матерью. И о детях тоже не тревожься. Даже если у нас их не будет, ничего страшного. Мне и без детей хорошо.

Ци Шань говорил так искренне и понимающе, что у Линь Синь-нян от злости снова покраснели глаза. Она подошла, толкнула его пару раз и, размахивая рукой, прикрикнула:

— Иди уже, иди! Быстро отсюда!

Ци Шань пошатнулся от толчка, ещё раз посмотрел на молчаливого Ло Цинчжу и, наконец, поставив на землю всё, что принёс, ушёл пустыми руками, всё время оборачиваясь. Ло Цинчжу смотрел ему вслед. Тело его оставалось на месте, а душа будто ушла вместе с мужем.

Линь Синь-нян ущипнула его за руку и ткнула пальцем в лоб, сердясь, как на безнадёжного ребёнка:

— Бесхарактерный! Такой мягкий, совсем не в меня пошёл!

Ло Цинчжу лишь поджал губы и промолчал. Он был слишком добрым и уступчивым, если мягко сказать, чистосердечным, а если прямо - человеком, которого легко обидеть. Ещё до замужества Линь Синь-нян переживала из-за его характера, боялась, что в семье мужа его будут притеснять. К счастью, Ци Шань и правда любил его и старался защищать. Но тот часто работал вне дома и не мог быть рядом постоянно, вот и случались такие вещи, как сегодня.

Линь Синь-нян тяжело вздохнула, поблагодарила Цуй Ланьфан, Лю Гуюя и остальных, а затем увела детей домой. За ними, виляя хвостами, побежали две большие собаки.

Когда все ушли, Лю Гуюй позвал своих в главную комнату и закрыл дверь - считать деньги.

— На ярмарке людей и правда море! За эти дни мы неплохо заработали!

Говоря это, он похлопал Цинь Жунши по плечу, чтобы тот достал кошелёк с выручкой.

— Только в первый и последний день вышло поменьше, а в остальные пять дней - больше четырёхсот вэнь ежедневно. Всего получается... больше тысячи восьмисот вэнь, почти два лян серебра.

Лю Гуюй зачерпнул в глиняную чашку воды и, макая в неё палец, начал выводить расчёты прямо на столе. По привычке он писал арабскими цифрами - так было быстрее и удобнее. Цуй Ланьфан и Цинь Баньбань ничего странного не заметили, а вот Цинь Жунши, прищурившись, внимательно уставился на написанное.

Лю Гуюй ничего не заметил и продолжал говорить:

— Матушкино лечение рассчитано на полгода. В месяц - два лян пять цзяней, за полгода выходит пятнадцать лян. Если прибавить пособие за далана, всё равно не хватает ещё трёх с лишним лян. Ярмарка уже закончилась, но я хочу и дальше выходить торговать в рыночные дни на Восточном рынке. Конечно, не как во время праздника, но хотя бы половину той выручки получать сможем. Думаю, за два месяца удастся собрать деньги на лекарства.

На самом деле семья Цинь не осталась совсем без гроша: помимо десяти лян пособия, у них было ещё около трёх - как раз те деньги, которые прежний хозяин тела собирался украсть. Но за лечение платили помесечно, сразу все пятнадцать лян не требовались, да и на повседневные расходы и торговлю нужны были средства, поэтому Лю Гуюй не стал включать эти деньги в расчёты.

Услышав его слова, Цуй Ланьфан и Баньбань улыбнулись. Особенно заметно это было по Цуй Ланьфан - её нахмуренные брови наконец разгладились, и она несколько раз с облегчением повторила:

— Хорошо... хорошо...

После смеха Баньбань вдруг наклонила голову и с любопытством посмотрела на стол:

— Брат Лю, а что это за знаки ты написал? Я ни одного не знаю. Похоже на...

Последние слова она всё же не решилась произнести - «каракули нечистой силы».

В доме был учёный, поэтому Баньбань не была совсем неграмотной: Цинь Жунши иногда учил её, и простые иероглифы она уже знала. Только тут Лю Гуюй вдруг спохватился. Увидев цепочку цифр, выведенных водой на столе, он поспешно размазал их ладонью.

Натянуто усмехнувшись, он быстро проговорил:

— Ха-ха... да так, черкал что попало, ничего особенного.

Он не заметил внимательного, изучающего взгляда Цинь Жунши, так как слишком торопился сменить тему.

Повернувшись к Цуй Ланьфан, он спросил:

— Матушка, дома ещё есть какие-нибудь дела, которые нужно сделать?

Он спросил это просто так, между делом, но Цуй Ланьфан и правда задумалась. Спустя мгновение она нахмурилась и с трудом сказала:

— Вообще-то... есть одно непростое дело.

Лю Гуюй тут же насторожился:

— Какое?

Цуй Ланьфан вздохнула:

— Да аренда... У нас ведь некому землю обрабатывать, поэтому обе наши му сданы другим. Только арендную плату уже два месяца не платят.□□

<http://bllate.org/book/17177/1632425>